

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ.

А

ИСТОРИЯ

РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА ЗАБѢЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

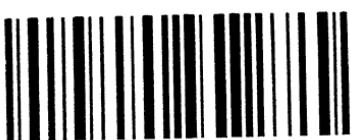

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА Н. Е., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

А

2004175148

Предлежащая книга составляетъ вводную часть къ труду, который, какъ дальнѣйшее развитіе изысканій автора по исторіи русскаго домашняго быта вообще *, предпринятъ, благодаря живому участію въ этомъ дѣлѣ Василія Андреевича Дашкова, предложившаго этотъ трудъ автору еще въ 1871 г. съ необходимыми материальными средствами для исполненія работы и для ея изданія въ свѣтъ.

Заглавіе книги вполнѣ обозначаетъ цѣли и задачи настоящаго труда. Но выполненіе этихъ задачъ, конечно, требуетъ не тѣхъ силъ, какими обладаетъ авторъ. Его работа во всякомъ случаѣ будетъ только попыткою уяснить себѣ эти самыя цѣли и задачи, ибо легко ставить вопросъ и вовсе не легко самимъ изслѣдованиемъ опредѣлить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятіе о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопределенно, поэтому не малый трудъ для изслѣдователя заключается уже въ одномъ только раскрытии основныхъ положеній, способныхъ пролить какой либо свѣтъ на необозримый матеріалъ, оставленный прожитою жизнью.

Жизнь народа въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которые даютъ народному тѣлу известный образъ и известное устройство. Разработка исторіи стремится найти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и обще-

* Домашній Бытъ Русскихъ Царей и Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ, изд. 2. М. 1872 г.

ственномъ устройствѣ. Но мелочной повседневный частный бытъ точно также всегда складывается въ известные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыхъ иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкие круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненные идеи—вотъ по нашему мнѣнію прямая задача для изслѣдователя народной жизни. Но само собою разумѣется, что допытаться до этихъ идей возможно только посредствомъ разнородныхъ и разнообразныхъ свидѣтельствъ самой же изчезнувшей жизни. Здѣсь и представляется безпредѣльное необозримое поле для изысканій, на которомъ въ добавокъ не все то воздѣлано, чего требуетъ именно исторія жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изыскателя русской бытовой древности на первыхъ же порахъ изумляетъ то обстоятельство, что Русскій Человѣкъ, относительно своей культуры, или исторической и бытовой выработки, и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ сознаніи образованного общества представляется въ сущности пустымъ мѣстомъ, чистымъ листомъ бумаги, на которомъ по волѣ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ всякия народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и художества, даже народная эпическая пѣсни и т. д., то есть всякия народности, какъ бы не было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись однако образователями и воздѣлывателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ. Такъ все это представляется простому читателю, приходящему въ пантеонъ нашей изслѣдовательности, такъ сказать, съ свѣжаго воздуха, отъ простаго здраваго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ достовѣрно и безъ боязни никто не можетъ сказать, находится ли что въ русскомъ быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. Въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ о томъ, откуда что взялось въ русской старинѣ и древности, оказывается, что русскій своего ничего не имѣеть: все у него чужое, заимствованное у Финновъ, у Норманновъ, у Татаръ, у Нѣмцевъ, Францу-